

НАИЛЯ МАМЕДОВА
Институт истории НАНА

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ШАХА ИСМАИЛА I В ЗАГОВОРЕ ПРОТИВ
СУЛТАНА СЕЛИМА
(на основании французской историографии)**

Взаимоотношения шаха Исмаила I (1501-1524) с султаном Селимом I Йавузом (1512-1520) являются одним из интересных и еще не до конца изученных страниц в истории отношений двух могущественных средневековых государств – Сефевидского и Османского. Как известно, эти взаимоотношения строились не только на преследовании государственных интересов; они в немалой степени носили и личностный характер (6, 111-113, 120-123; 1, 192-194).

В обширном исследовании современного французского историка Ж.-Л. Баке-Грамона «Оттоманы, Сефевиды и их соседи» говорится о заговоре Шаха Исмаила с наместником Сирии Джанберди Газали против султана Селима.

Прежде всего, следует дать некоторые сведения о личности самого Газали. Бывший наместником мамлюкского султана Кансава ал-Гаури в Сирии, Газали в процессе борьбы своего сюзерена с османским султаном перешел на сторону Селима и, дабы завоевать еще большее его доверие он, не ограничившись простым предательством, предоставил османам сведения о расположении мамлюкской артиллерии, чем немало облегчил их победу. После того, как Кансав был разбит османами в сентябре 1517 года, Селим на обратном пути из Египта в феврале 1518 года, назначил Джанберди Газали наместником Дамаска и прилегающих к нему ряда других провинций (4, 1177; 5, 252). Как пишет Ж.-Л. Баке-Грамон, «...территории, которые находились под властью Джанберди, простирались от Сирии до Синая». «Все это – пишет далее исследователь, – и власть, которая была предоставлена ему, дали ему необычайную мощь, большую, чем у оттоманских беглярбеков той эпохи. С другой стороны, следуя обычаям мамлюков, Джанберди имел и персональную армию некоторой мощи, состоящую из арабских кочевников и мамлюков-беженцев из Египта. Здесь в наличие был и корпус арбалетчиков» (2, 275-276).

Подобное отношение к «сомнительному перебежчику», как называет его исследователь, вызывает резонный вопрос у ученого: «На основании того, что мы знаем, Селим не был склонен доверять легкому стечению обстоятельств. Во время своего царствования наместничество больших провинций, которым предоставлялись широкие полномочия, доверялось лишь испытанным людям: это Быйыклы Мехмет паша, Хайир-бек, который проявил совершенную лояльность ко двору (Османскому – Н.М.)... Можно удивляться тому, каким образом Селим представлял власть таким людям, как Джанберди?! Сомнительный перебежчик, Джанберди представлял ли собой такое могущество, что оттоманский султан вступает с ним в сделку?!» (2, 276).

Однако в какую сделку мог вступить Селим Йавуз с предавшим своего хозяина Джанберди, который, «...начиная со своего присоединения, был личностью сомнительной, несмотря на слухи о его измене». Подлинно известно, что Селим был безжалостен по отношению к подозрительным лицам, и не щадил даже своих приближенных. Однако «к нему (Джанберди – Н.М.) относился с удивительной снисходительностью» (2, 276).

Изучая документы, хранящиеся в архивах Топкапы, Ж.-Л.Баке-Грамон пришел к выводу, что в начале 1520 года в Сирии широко распространились слухи об отноше-

Tarix və onun problemləri, №4 2009

ниях между шахом Исмаилом и Джанберди. Однако в османском дворе об их первом контакте стало известно уже в 1519 году из письма, отправленного султану Селиму из Багдада. В послании говорилось о встрече в Кашане Джанберди с находившимся там шах Исмаилом. По сообщению источника, пробыв в Кашане пять месяцев, шах Исмаил уехал в Багдад, куда прибыл и посланник Джанберди. Сефевидский наместник Багдада некий Шах Али направил этого посланника к шаху Исмаилу, который по сообщению османского информатора «принес следующую новость: «Сын Ардебиля (т.е. шах Исмаил – Н.М.) прибыл лично. Он нам даст войско, и мы завоюем эту страну. Мы имеем договоренность с теми, кто находится в Египте. В настоящее время сын Ардебиля расположился в летнем лагере в окрестностях Султании и возле него 12000 человек, готовых к войне» (2, 280-281).

Содержание этого и двух других документов дает возможность предположить о существовании тайных переговоров между шахом Исмаилом и Джанберди Газали по проведению совместных военных действий против османов, и целью этого похода для сефевидского правителя являлся захват Диярбекира.

Однако французский исследователь озадачен вовсе не тайным сговором шаха Исмаила с Джанберди, а отношением самого султана Селима к этим переговорам. Ж.-Л.Бак-Грамон в частности пишет: «Три документа, которые нам представили, показывают, что с 1519 года Селим был информирован о поведении Джанберди. Однако вопреки любому ожиданию, в то время, когда великие везири и высокопоставленные лица были казнены на поле битвы, султан не переставал расточать всевозможные милости беглярбеку Дамаска. Этот последний получил 11 мая 1518 года почетный халат, 6 января 1519 года одежду и почетную грамоту, одно красное одеяние из крокодиловой кожи, которое султан послал ему в знак почета и поддержки. 30 июня того же года он послал другое красное одеяние из крокодиловой кожи, вышитое золотом» (2, 290).

Объяснение подобному отношению султана к явным сепаратистским действиям своего новоявленного прислужника исследователь обнаружил в одном османском документе из архива Топкапы. Он пишет: «Объяснение этому можно найти в венецианском послании, таком дерзком, что мы бы не учли его, если бы оно не перекликалось с любопытной гипотезой Быйыклы Мехмет паши в конце документа E.6627/2, првнесшей достойное свидетельство тому, каким образом Джанберди Газали достиг этой мощи и величия» (2, 290-291).

Упоминая о некоем венецианском послании, автор, к сожалению, не дает координаты этого источника. Однако приведенная им далее гипотеза Быйыклы Мехмет паши позволяет нам установить и объяснение венецианского послания. По версии вышеупомянутого османского сановника отношения, которые поддерживал Джанберди с Шахом Исмаилом происходили с одобрения султана Селима. По определению Ж.-Л.Бак-Грамона «...карьера бывшего отверженного высокопоставленного мамлюка давала шаху (Исмаилу – Н.М.) большую вероятность в измене, чем любого другого оттоманского беглярбека» (2, 291), т.е. шах Исмаил больше поверил бы предательству Джанберди, чем какого-либо османского сановника. Версия исследователя состоит в том, что по плану Селима, Джанберди, разыграв перед шахом измену османскому султану, должен был подговорить Исмаила к совместным военным действиям в Анатолии, т.е. Джанберди должен был сыграть «роль приманки», как это определяет исследователь, чтобы вовлечь шаха «в ловушку на оттоманской территории» (2, 291).

При удачном исходе плана Селима, т.е. если бы шах Исмаил, поверив Джанберди, начал бы военные действия против османского беглярбека в Анатолии Пири па-

Tarix və onun problemləri, №4 2009

ши, то «сделав его (шаха Исмаила) агрессором, можно было бы достигнуть веских оснований, чтобы убедить янычар пойти против него» (2, 291).

Приводя это объяснение о взаимоотношениях Селима и Джанберди, исследователь пишет: «В настоящем состоянии нашей документации мы не можем представить несомненное доказательство, но удовлетворительно, что рассмотренный документ (документ Е.6627/2 – Н.М.) оправдывает такую гипотезу» (2, 291-292).

Насколько этот план султана Селима мог бы осуществиться, сказать трудно. Каковы были реальные планы самого Джанберди, намеревался ли он до конца следовать указаниям султана Селима, также неизвестно. Однако восстание, которое поднял Джанберди вскоре после смерти Селима в 1520 году и, объявив себя Мелик ал-ашрафом, стал чеканить монеты от своего имени (4, 1177-1178), косвенно указывает на то, что, вступая в соглашение с султаном против Исмаила, Джанберди все-таки намеревался на каком-то этапе совместных с султаном действий, отколоться от него и, заручившись поддержкой Исмаила, направить свои действия против самого султана.

Знал ли о сговоре Селима и Джанберди сам шах Исмаил, также неизвестно. Думается, вступая в тайный союз с Джанберди, Исмаил не мог не знать о привелегиях, предоставленных султаном мамлюкскому перебежчику. Вполне возможно, что если и не весь план, то часть его была известна шаху от самого Джанберди. Однако смерть Селима, готового идти «на тысячу хитростей», дабы покончить с Исмаилом, приостановила реализацию этого плана, который, видимо, не пожелал продолжить его преемник султан Сулейман.

Вместе с тем, Джанберди, решивший воплотить в жизнь свою часть плана, и получив поддержку от рыцарей Родоса, поднял восстание против османского дома (5, 259), захватил Бейрут, Триполи и другие пункты на побережье. Как пишет исследователь: «В этот раз шах остерегался вмешаться... Тем не менее, данные позволяют думать, что он возлагал реальные надежды на это восстание в Сирии» (2, 293). Однако это выступление в скором времени было подавлено новым османским султаном Сулейманом Кануни, а сам Газали был схвачен и обезглавлен (5, 260).

По какой причине шах Исмаил не примкнул к Джанберди, неизвестно. Думается, все же он не до конца доверял Джанберди и, будучи осведомленным о сговоре Селима и Джанберди вовлечь Исмаила «в ловушку», решил не рисковать и попытаться установить мирные отношения с новым османским султаном.

Дальнейшие действия шаха Исмаила, т.е. поздравление султана Сулеймана с вступлением на трон, направление посольства с дарами в Стамбул к османскому двору и др. указывают на верность наших выводов (3, 135-136).

Таким образом, стремление османского султана Селима «покончить с шахом Исмаилом раз и навсегда» путем «тысяча хитростей» и привлечение для этого мамлюкского перебежчика Джанберди Газали, не увенчались успехом в связи с неожиданной смертью самого Селима, а также политической дальновидностью и внутренней порядочностью шаха Исмаила, предпочтившего не примыкать к авантюрным действиям Джанберди, а искать другие, более традиционные и мирные пути для установления нормальных отношений с могущественным соседом - Османской империей.

Вместе с тем, вопрос существования тайного сговора между Сефевидским шахом и авантюрной личностью, каковым являлся мамлюкский сепаратист Джанберди Газали, против султана Селима требует дальнейшего рассмотрения, которое может быть осуществлено в случае обнаружения новых фактических данных.

ЛІТЕРАТУРА

1. Azərbaycan tarixi. III cild, Bakı, 1999, 534 s.
2. Bacque-Grammont Jean-Louis. Les Ottomans, les Safavides et Leurs Voisins. Paris, 1987, chapter IX, 406 p.
3. Fərzəlibəyli Şahin Fazil. Azərbaycan və Osmanlı imepriyası (XV-XVI əsrlər). Bakı, 1999, 242 s.
4. Hitti, Philip K. Siyasi və Kültürel İslam Tarihi. Çeviren: Prof. Dr. Salih Tuğ. Cilt 2, İstanbul, 1981, 1290 c.
5. Yücel Yaşar, Sevim Ali. Türkiye Tarihi. 2. cilt, Osmanlı Dönemi (1300-1566). Ankara, 1990, 416 c.
6. Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского Государства Сефевидов в начале XVI века. Баку, 1961, 207 с.

NAILƏ MƏMMƏDOVA

AMEA-nın Tarix institutu "Azərbaycanın Orta əsrlər tarixi" şöbəsinin kiçik elmi işçisi

**I ŞAH İSMAYILIN SULTAN SƏLİM ƏLEYHİNƏ QƏSDDƏ İŞTİRAKI MƏSƏLƏSİNƏ
DAİR
(fransız tarixşünaslığı əsasında)**

Məqalə fransız tarixşünaslığı əsasında I Şah İsmayılın Suriya canişini Djanberdi Qəzəli ilə birlikdə sultan Səlim əleyhinə qəsdə iştirakından bəhs edir. Göstərilmişdir ki, siyasi uzaqgörənliyə və daxili saflığa malik olan Şah İsmayıl məmlük separatisti, avanturist şəxsiyyət kimi tanınan Djanberdi Qəzəli ilə əlbir ola bilməzdi.

NAILA MAMEDOVA

*The younger scientific employee of a department «Histories of Azerbaijan of Middle Ages»
Institute of History HAH*

**TO THE QUESTION ON PARTICIPATION OF CHECK ISMAIL I
IN PLOT AGAINST THE SULTAN IT IS LODGED
(on the basis of the French historiography)**

In given clause(article) on the basis of the French historiography the question on plot of check Ismail with the deputy of Syria Djanberdi Gazali against the sultan is considered(examined) Is lodged. It is shown, that due to political foresight and check Ismail could not enter internal decency arrangement to such adventurous person what separatist Dzhanberdi Gazali was mamluk.

Rəyçilər: t.e.n.E.Mirzəyeva, t.e.d.S.A.Məmmədov.

*AMEA-nın A.A.Bakıxanov adına Tarix İnstitutu Azərbaycanın orta əsrlər tarixi şöbəsinin
16 sentyabr 2009-cu il tarixli iclasının qərarı ilə çapa məsləhət görülmüşdür (protokol № 01)*